

III. НАЧАЛО ОБЩЕСТВЕННО- САНИТАРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1896–1917)

Новая Ладога (1896–1898)

В январе 1896 г., получив свидетельство об окончании медицинского факультета со званием врача в уже Юрьевском университете, я приехал в Петербург. Мне хотелось несколько месяцев поработать в одной из больниц для получения некоторого практического опыта и затем отправиться куда-нибудь на работу в качестве земского врача. Теперь, много лет спустя, когда я вспоминаю о двух месяцах, проведённых мною тогда в Петербурге, я не могу понять, как могло втиснуться в этот короткий срок столько разнообразных явлений и начинаний, оказавших значительное влияние на весь дальнейший ход моей жизни.

С первых же дней по приезде началась моя работа в Обуховской больнице бесплатным сверхштатным ординатором — палатным врачом в терапевтическом отделении. Заведовал им тогда Нечаев. Каждый день я тщательно осматривал и обследовал больных и производил различные исследования (мочи, мокроты) и докладывал затем при обходе доктору Нечаеву. Волновался я очень много: меня смущала трудность постановки уверенного и определённого диагноза. Я очень огорчился, когда, выслушав моё сообщение о результатах обследования больного и о моём предположительном диагнозе, главный врач, не проверяя мои данные, продолжал свой обход, переходя к следующей кровати. Я искал ответа на свои сомнения в разделах руководств по специальной патологии, обращался за советом к другим таким же добровольцам, бесплатно работавшим в соседних палатах. Таким образом завязывались новые знакомства.

Один из новых знакомых врачей ввёл меня в кружок, имевший связь с несколькими рабочими Шлиссельбургской заставы. На меня была возложена задача по вечерам и в воскресные дни заниматься с рабочими, помогать им разбираться в началах политической экономии, в содержании только что появившихся в печати работ Плеханова (Бельтова) и других изданиях.

Меня познакомили с А. Н. Потресовым¹, через которого можно было получать литературу: «Neue Zeit» и другие немецкие издания. Независимо от этого кружка, я по предложению одной моей дерптской знакомой — учительницы городской школы Веры Геннадиевны Коледниковой — провёл пару довольно многолюдных собраний работниц. Один раз — на частной квартире на Васильевском острове, а другой раз — в школьном помещении. Мои доклады на этих собраниях были о рабочем движении, о рабочих организациях в передовых странах, о растущей исторической роли и задачах рабочего класса. Эта возможность непосредственного соприкосновения с рабочими захватывала меня и заставляла добросовестно готовиться к предстоящей беседе, доставать и прорабатывать соответствующую литературу.

Необходимость иметь для существования заработок заставила меня обратиться по рекомендации профессора М. А. Дьяконова к Ивану Андреевичу Дмитриеву², начавшему в то время (февраль 1896 г.) издавать «Общественно-санитарное обозрение». Иван Андреевич произвёл на меня обаятельное впечатление своей отзывчивостью и внимательным отношением к моим планам, к моему желанию закрепиться на работе в Петербурге. Он поручил мне готовить рефераты по вопросам санитарного дела и гигиены из немецких, французских, швейцарских и других специальных санитарно-гигиенических журналов, составлять небольшие обзоры и извлечения из новых изданий по школьной гигиене, по социальному страхованию, по санитарному законодательству. Работа эта обеспечила мне заработок в 20–30 рублей в месяц. Это уже давало мне возможность оплатить комнату в Орловском переулке и, хотя и не очень регулярно, обедать в дешёвой столовой «Паштетная» в Гусевом переулке.

С увлечением и с большим интересом я прочитывал и осваивал издания, которые передавал мне Иван Андреевич для реферирования отмеченных им статей. Однако надо мной, как Дамоклов меч, висела обязанность явиться в Медицинский департамент для получения назначения куда-либо «по казённой линии» отбывать службу — полтора года за каждый год получения мною казённой стипендии в Дерптском университете в 1892–1895 гг. Иван Андреевич начал хлопотать, чтобы вместо состоявшегося уже тогда назначения меня на казённую службу на должность уездного врача в Новоград-Волынском, мне было бы разрешено служить в Санкт-Петербургском губернском земстве в должности санитарного врача по Новоладожскому уезду, где в то время свирепствовала эпидемия натуральной оспы и не прекращалась уже в течение двух-трёх лет эпидемия сыпного тифа.

Когда однажды в начале марта я зашёл к Ивану Андреевичу с очередной порцией рефератов, он предложил мне подготовиться к отъезду в Новую Ладугу на должность земского санитарного врача. Перспектива прервать

¹ Потресов (Старовер) Александр Николаевич (1869–1934) — член Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса; с 1900 — член редколлегии «Искры»; с 1903 — один из лидеров меньшевиков; после Октябрьской революции — в эмиграции.

² Дмитриев Иван Андреевич — видный деятель общественной медицины. Более 20 лет руководил санитарным отделом Петербургской губернской земской управы.

заполнившую меня без остатка петербургскую жизнь, уехать в глухой уезд для неведомой мне работы земского санитарного врача не могла меня обрадовать. Но Иван Андреевич настойчиво убеждал меня в том, чтобы я принял предлагаемое им мне место. Только этим я мог спасти себя от неизбежной необходимости в принудительном порядке отправиться на должность «казённого чиновника» — уездного врача. В то же время в земстве передо мною, говорил Иван Андреевич, откроется возможность вести полезную для населения работу вне бюрократических пут, проявлять общественный почин, знакомиться и изучать условия народной жизни. Не без горечи я видел правоту доводов Ивана Андреевича и понимал неизбежность принять его предложение. Много раз во всей моей жизни потом я чувствовал глубокую признательность, вспоминая терпеливые и настойчивые советы Ивана Андреевича вступить на путь общественно-санитарной деятельности в качестве земского санитарного врача.

Ещё более двух недель после этого я захлёбывался во всё более захлёстывавших меня волнах моей кратковременной петербургской жизни, готовясь в то же время к отъезду в Новую Ладогу. Я тщательно знакомился с трудами съездов земских врачей, с отчётами санитарных врачей и инструкциями для их деятельности. Старался запастись подходящей литературой, руководствами, материалами. Нужно было как-то решить вопрос о поездке в зимних условиях на лошадях за 150 вёрст от Петербурга. Задача эта была нелёгкая, т. к. у меня не было зимнего пальто. По полученным указаниям друзей я нашёл в одном из трактиров на Шлиссельбургском тракте возвращающегося в Новую Ладогу обратного извозчика с крытыми санями и в двадцатых числах марта пустился в путь-дорогу до Шлиссельбурга по тракту, а затем из устья Невы по прочному ещё льду старого канала Петра Первого. В первом же письме из Новой Ладоги я описывал впечатления от Шлиссельбургского тракта с его крупными заводами.

Возница мой оказался известным и единственным в Новой Ладоге извозчиком Алексеем, который в кругу своих немногочисленных городских клиентов известен был под наименованием «Ладожской газеты». Он был всегда до мелочей осведомлён обо всех событиях в городе и даже обо всех интимнейших происшествиях в жизни, правда, очень узкого круга уездного «общества»: исправника, председателя уездной управы, городского судьи, следователя и уездного врача. Чтобы быть в курсе всей городской жизни, утром, отправляясь в управу, председатель садился на дрожки к Алексею и коротко приглашал его: «Говори!» Алексей ровно в десять минут пути до управы делал полный обзор жизни, подробную новоладожскую хронику за истекшие сутки: кто у кого и до которого часа был, кто приехал или уехал и, конечно, все драматические, трагические и просто пикантные события скудной и убогой жизни затхлого чиновничьего захолустья.

Умудрённый местным жизненным опытом, Алексей был глубоким пессимистом и считал совершенно неизбежным для всякого нового человека в Новой Ладоге либо войти в круг этих местных вершителей судеб, делить с ними все вечера, ладить с ними, либо уезжать из города, ибо «всё равно иначе съедят». И Алексей привёл целый перечень молодых новых служащих, которых «съедали», т. е. выживали из Новой Ладоги. Мои откровен-

ные презрительные замечания, что я совсем не подхожу и не соответствую вкусам новолодожского болота и не нуждаюсь в обществе его заправил, а еду, чтобы работать, лично Алексею очень импонировали, нравились, но приводили его к бесповоротному заключению и прогнозу: «Ну, значит, к нам не надолго, съедят беспременно...»

В Новой Ладоге я прежде всего познакомился с моим предшественником по должности санитарным врачом Иличем. Резкий и горячий по темпераменту серб, он ввиду развития натуральной оспы и тяжести протекания её в старообрядческих посёлках (Немятое, Глярково и др.), требовал немедленного принятия решительных мер, вплоть до оцепления этих посёлков военным кордоном и принудительного поголовного оспопрививания. Его напугало появление многих случаев «чёрной» оспы, быстро закончившихся смертью, и выводил из равновесия упорный отказ старообрядцев от прививки, из-за чего он предпочёл уйти с должности санитарного врача и остаться в Новой Ладоге вольнопрактикующим врачом. Илич горячо доказывал мне несбыточность и опасность моего плана временно самому поселиться в Немятом среди старообрядцев, лично организовать там помощь и уход за тяжёлыми оспенными больными, привлекая в качестве ухаживающего персонала подходящих лиц из местных женщин, уже перенесших раньше оспу, и попытаться добиться добровольного согласия на прививку вакцины всем, кто ещё оспой не болел. «Ничего из этого не выйдет, а коли будете там без охраны, добром для вас не кончится». Я и не пытался переубедить горячего, доброжелательно ко мне относившегося Илича.

Через день я побывал в Немятове во многих избах, познакомился с местными рыбаками, порасспросил, где бы мне можно было снять на время комнату. Затем, поселившись в одной семье, где как раз были больные оспой, я стал систематически обходить все дома, один за другим, настойчиво разъясняя, что никто не имеет права делать прививки против воли или тащить больных насильно в больницы, но если кто-нибудь сам попросит, я лично сделаю им прививку. Обойдя в течение нескольких дней все дома, познакомившись в длительных беседах с населением, я с большим удовлетворением мог убедиться, что в некоторых семьях родители склонны привить ещё уцелевших от натуральной оспы детей, но их останавливает боязнь неодобрения со стороны одной очень авторитетной среди старообрядцев начётчицы, пожилой почтенной женщины. Я отправился к ней, долго вёл с ней спор на богословские темы, разумеется в самом мирном тоне. На её твёрдое заявление, что «воспица» ходит от Господа Бога, я обратил её внимание на кошунственность такого мнения о Боге: не одни же болезни и беды от Бога, а всё — от Бога, следовательно, и средства против болезней тоже от Него. Долго вёл я благочестивые пререкания с нею, отвергая вздорные рассказы о «печати Антихриста». В конце концов, она с довольно благочестивым оттенком в голосе заявила: «Да уж, сказывали, что тебя не переспоришь!» Когда в одной из изб собралось несколько матерей, с которыми я вёл разговор об устройстве временной больнички для лучшего ухода за больными и, разумеется, и для большей изоляции больных от ещё не болевших оспой, пришла упомянутая выше «главная» у них начётчица и по моей просьбе подтвердила, что она не противится прививкам:

«Ну, да уж, прививай!». А что это не больно, я тут же показал на себе, сделав прививку самому себе.

Так в Нямятове безо всякого шума я провёл намеченную программу мер против распространения натуральной оспы. Несколько больше времени и терпения потребовало проведение таких же мер в более отдалённом от Новой Ладogi староверческом крупном посёлке Низино, но и там, в конце концов, дело наладилось и в дальнейшем при обходе каждого дома удалось провести предохранительное оспопрививание.

Характерно, что когда на следующий год я был проездом в Низине и воспользовался случаем, чтобы обойти избы и привить вновь родившихся и тех, кто остался ещё не привитым, то возражений против вакцинации уже не было. «Прививай, ведь уже и в прошлом году прививал».

Под впечатлением оспенной эпидемии и проведённых против неё мер, которыми началась моя деятельность санитарного врача, я во всей моей дальнейшей работе уделял много внимания оспопрививанию, обучал прививкам фельдшеров и «сельских сестёр», и сам всегда производил поголовные ревакцинации в сельских школах всякий раз, когда делал санитарные обследования учебных заведений. Оспе была посвящена моя первая эпидемиологическая работа, напечатанная в 8-м номере «Вестника общественной гигиены» за 1897 г. Правильной постановке оспопрививания я уделил специальное внимание много позднее в «Очерках земского врача» («Санитарное дело» за 1913).

Мне кажется, что успехи мои в осуществлении широкого оспопрививания среди старообрядческого населения приладожских посёлков вытекали не только из моей искренней заинтересованности и убеждённости в пользе и необходимости этой меры, достигались не только тем, что я с увлечением, не утомляясь повторениями и внося много драматизма, рассказывал историю эпидемий натуральной оспы, о калечении ею людей, становившихся от оспы нередко слепыми, рассказывал историю открытия оспопрививания и борьбы за его признание и распространение, но, главным образом, моему успеху содействовало то, что я всегда непосредственно переживал горе и болезни других людей, как свои собственные. У меня не было, а потому и проявляться не могло, выделения себя над окружающими, ощущения, что это чужая беда людей, которые в чём-то по своим понятиям, по своим примитивным условиям ниже меня. Этого чувства у меня никогда, с самого раннего детства не было, я его просто не понимаю. Поэтому, мне кажется, мои настаивания, мои иногда горькие, а подчас и жёсткие упрёки и проповеднические призывы принимались людьми без обиды, без неприязни и озлобления, вытекающих обычно из естественного желания человека отстоять себя.

В связи с опасением повторения холерной эпидемии, очаги которой в Новоладожском уезде располагались вдоль водных путей сообщения, в местах скопления судорабочих, и распространялись особенно среди «погонщиков» по каналам, губернское земство поручило мне произвести санитарные осмотры мест погрузки и выгрузки дров, ночлегов погонщиков и вообще ознакомиться с санитарными условиями жизни рабочих на водных путях и особенно на приладожских каналах. После открытия навигации я объехал приладожские каналы. Систематически, путём осмотров и опросов, выяс-

нял и составлял описание жизни рабочих, санитарной обстановки на «гонках» (плотах), на баржах, а также выяснял число погонщиков, их возрастнополовой состав и места, откуда они приходят наниматься на работу.

Выяснялись исключительно тяжёлые, просто безотрадные условия их жизни: невероятная скученность в местах ночлегов, невыносимое, совершенно нетерпимое в санитарном отношении состояние грязных дворов и навесов для лошадей, тянувших баржи. Среди этих лошадей нередки были случаи падежа от сибирской язвы, среди погонщиков было немало заболеваний сыпным тифом. В самой Новой Ладоге я осмотрел не только постоянные дворы, где «приставали» погонщики, но и очень много дворов по окраинам города, где так же ютились и ночевали приезжавшие со своими лошадьми «на тягу» крестьяне из отдалённых волостей уезда. Рассматривая свой промысел погонщика, как временную, в их сознании, отлучку из дома, они мирились с какими угодно неудобствами и грязью в местах, во дворах и помещениях, где они «приставали»: ночевали в грязных надворных постройках без постельных принадлежностей и пр., довольствовались невероятно низким жизненным уровнем. Осмотры и обследования убогих условий их жизни и быта при отходе на летний промысел укрепляли во мне понимание, что улучшение в их обстановке может быть обеспечено только при условии роста у них сознания своего положения, повышения у них самих требований и запросов к своим хозяевам и к содержателям постоянных дворов. Но в качестве противоэпидемических мероприятий приходилось, во что бы то ни стало, добиваться хотя бы некоторого упорядочения санитарной обстановки.

Я послал в губернскую земскую управу, санитарным отделом которой ведал Иван Андреевич Дмитриев, подробный отчёт обо всех осмотрах мест скопления судорабочих, погонщиков, рабочих по сплаву дров и леса, проведённых мною в течение весны и лета, в котором указывал, что при существующих условиях никакие меры, вроде открытия на лето временных больничек, не могут предотвратить опасности развития эпидемий в местах скопления во время навигации и летнего сплава массы людей в таких исключительно тяжёлых условиях питания, ночлега и вообще быта. Нужно разработать план более широких санитарно-противоэпидемических мер по упорядочению условий сплава дров и леса и движения барж по каналам и рекам — Волхову, Сяси, Ояти, Паше и др. — в уезде.

Позднее, не без влияния настойчивой постановки вопроса об антисанитарных условиях на реках и каналах в Новоладожском уезде и вообще на водном транспорте И. А. Дмитриевым и М. С. Уваровым¹ перед Медицинским департаментом, была направлена специальная правительственная комиссия во главе с крупными представителями водного транспорта для проверки на месте обстановки и установления, действительно ли она даёт основание для тревоги насчёт эпидемической опасности. Я получил по телеграфу предписание из губернской управы сопровождать эту чиновную комиссию при её работе в моём санитарном округе.

¹ Уваров Михаил Семёнович — ученик Эрисмана, учёный-гигиенист, возглавлял санитарную службу Московской губернской земской управы.

Комиссия в составе десятка чиновных особ в мундирах совершала своё путешествие по приладожским каналам на великолепном пароходе «Озёрной» — с обширной кают-компанией, буфетом, столовой и всеми удобствами. В составе комиссии был, как её истинный вдохновитель, М. С. Уваров, умевший всегда держать себя авторитетно и достаточно независимо. По долгу службы врача при начальнике округа водных путей сообщения был в комиссии Фраткин, акушер по специальности. На пароходе господствовал дух субординации и чиновничества. Исключение было допущено лишь в отношении меня. При всякой остановке парохода у пристаней, шлюзов или в местах производства работ я настойчиво добивался согласия почему-то очень ко мне благоволившего начальника этой экспедиции посмотреть лично, в составе всей комиссии, условия быта и труда погонщиков, выгрузчиков леса, сплотчиков брёвен, связывавших брёвна в «гонки» (плоты) и т. д. Меня всякий раз поддерживал М. С. Уваров. Другие члены комиссии были люди «мундирные». На всё у них был ответ: «Как угодно Его Превосходительству».

Насколько я теперь вспоминаю, на председателя комиссии, так же, как и на М. С. Уварова, производило, как они об этом не раз говорили, большое впечатление то, что я, совсем ещё недавно назначенный земский санитарный врач, не имеющий отношения к водному транспорту и береговой его области, с такой деловой осведомлённостью докладываю обо всех подробностях условий быта, работы, отдыха и питания рабочих в данной отрасли хозяйства, сообщаю итоги цифровых обобщений, сведения из заборных книжек рабочих в лавках хозяев и пр. Особое же удивление их вызывало то, что при всякой стоянке в Новой Ладоге или в Сясьских Рядках у берегов Волхова, или на реке Паше я показывал, как уже хорошо мне известные, все закоулки и задние дворы с навесами и сараями для погонщиков, с харчевнями и постояльями дворами. Но ведь я всё это осматривал и обследовал в течение двух–трёх предшествующих месяцев не только по «долгу службы», а как человек, захваченный интересом к изучению развёртывающегося передо мною непосредственного примера эксплуатации рабочих. Между прочим, в связи с работой в составе комиссии в моей памяти сохранился один, казалось бы, совершенно посторонний эпизод.

По прибытии «Озёрного» в Новую Ладогу время до обеда было предоставлено для отдыха. Я вспомнил, что за несколько дней до этого, когда я уезжал для встречи парохода, из-за отсутствия в это время в городе больницы врача я был позван по поводу начавшихся родов к жене одного рыбака, немолодой женщине, очень болезненной на вид. У неё были очень слабые схватки, по временам совершенно прекращавшиеся. Теперь я забежал узнать о её положении. Оказалось, что уже три дня её состояние оставалось без изменений. У меня явилась мысль воспользоваться присутствием в составе комиссии доктора Фраткина, очень крупного и известного акушера, и просить его посмотреть роженицу. Но он в комиссии был подчинён начальнику, без ведома которого считал недопустимым отлучаться с «Озёрного». Тогда я обратился к начальнику, упирая на то, что дело идёт о жизни больной женщины, и получил разрешение для доктора Фраткина. При осмотре роженицы оказалось, что надежды на благополучные роды

без акушерской помощи очень мало. А в городе никого из врачей нет. Доктор Фраткин решил немедленно произвести операцию наложения высоких щипцов. Я тотчас же принёс из больницы акушерский набор и вызвал акушерку. Расширив оперативно шейку матки, доктор Фраткин при слабом наркозе с изумившей меня быстротой произвёл эту далеко не легкую операцию и извлёк живого младенца.

Мы вернулись на пароход ещё задолго до обеда. Как потом оказалось, вдогонку за доктором Фраткиным на судно пришёл муж этой женщины, счастливый отец первенца и принёс необычайной величины лосося. Невзирая на все попытки отказаться от этой оплаты, лосось был оставлен на пароходе и спешно приготовлен поваром к обеду. Поданный на огромном блюде, он стал «гвоздём» стола. Я рассказал о заслугах доктора, за которые в награду приплыл к нам на пароход лосось.

На время навигации на каналах в Новоладожском уезде открывались три небольших ведомственных больнички для судорабочих. Общее заведение ими было в руках государственного уездного врача. Для непосредственной работы в больницах приглашались обычно студенты четвёртого года обучения, с курсов лекарских помощниц. Это были молодые энтузиастки дела медицинской помощи, передовые, революционно настроенные представительницы женской молодёжи, боровшиеся за доступ женщин к медицинскому образованию. Работая в больничках для судорабочих, они стремились вести просветительскую работу среди обращавшихся за врачебной помощью судорабочих, плотовщиков и погонщиков, а также охотно, разумеется, без ведома уездного врача Плаксина, собирали всякого рода материалы о положении труда на водных путях, об обстановке и условиях жизни рабочих. Очень часто я прибегал к их помощи при проведении некоторых обследований и сборе материалов о заболеваемости рабочих. Они охотно давали мне сведения и сами нередко обращались ко мне за советами по поводу возникавших у них предположений об обследованиях санитарных условий быта или планов улучшения организации медицинской помощи на реках и каналах.

Больницы для судорабочих на канале Петра Первого в Новой Ладогe находились рядом с домом, в котором я сразу по приезде поселился у некоей Марии Андреевны. Здесь я прожил весь срок своего пребывания в городе. В мае или начале июня 1896 г., когда моё внимание было сосредоточено на заболеваниях натуральной оспой, меня позвала одна женщина посмотреть её тяжело больную оспой дочь. В то время в самой Ладогe, по данным врача городского участка, заболеваний оспой уже не числилось. В очень убогой обстановке, в комнате почти без мебели, на деревянной кровати лежала девочка лет десяти. Уже второй день она не могла говорить. Оспенная сыпь на всём теле и, особенно на лице, слилась и налилась кровью. Больная трудно дышала. Я попытался осторожно очистить ей полость рта и нос от запекшейся крови. Слизистая глотки от сыпки была отёчна и кровоточила. Это был уже не первый случай «чёрной» геморрагической оспы, который я видел в эту эпидемию. Все случаи описаны мною в статье «К эпидемиологии натуральной оспы», напечатанной в «Вестнике общественной гигиены» (№ 8 за 1897 г.). Я был убеждён, что больная уже нахо-

дится в бессознательном состоянии от асфиксии и старался утешить мать, горько страдавшую при виде умирающей дочери. Девочка повернула своё лицо к матери и перекрестилась. Осторожно очистив рот больной пальцем, я затем случайно слегка оцарапал его занозой в изголовье кровати. Придя домой, я промыл царапину карболовым раствором. Через несколько дней я должен был уехать в одну из дальних волостей и пробыл там, занятый санитарными осмотрами, два-три дня. На возвратном пути я заболел. Поднялась сильная головная боль, жар. Приехав домой, я слёг. Позванный врач заявил, что пока сказать что-либо определённое о моей болезни нельзя. Тревожно было, что заболевание началось как раз на 11–12-й день после моего посещения больной девочки, которая вскоре умерла. На второй и третий день температура у меня поднялась выше 40 градусов, я впал в забытие. Когда дня через два пришёл в сознание, у моего изголовья сидела одна из лекарских помощниц из больницы для судорабочих, В. Г. Косарева. От неё я узнал, что у меня был участковый врач, когда вечером накануне появилась густая точечная сыпь, и признал заболевание натуральной оспой. Но к утру вся сыпь побледнела и исчезла. Для меня было несомненным, что у меня было abortивное заболевание натуральной оспой, сорванное действием прививок, которые я делал себе несколько раз, пока имел дело с оспенными больными.

Глубокой признательностью был я проникнут к лекарской помощнице, продежурившей около меня неотлучно два или три дня, пока я не пришёл в сознание. С этого началось моё знакомство со студентками, работавшими в больницах для судорабочих.

В то же лето 1896 г. я заинтересовался обследованием положения рабочих на плитных ломках, расположенных на берегах Волхова от Старой Ладуги до Дубровки. Эта работа была отражена в моём докладе на губернском съезде врачей, а затем и в статьях, напечатанных в журналах «Новое слово» и «Жизнь»¹. Основная занимавшая меня мысль, вытекавшая из наблюдений над плитоломами, выражена в одном из положений моего доклада: «Если машина при капитализме обращает рабочего в придаток к машине, то отсутствие машин обращает в машину самого рабочего».

Немало лет прошло с тех пор, как ездил я по берегам Волхова, как ходил по крутым спускам, обследуя условия работы, труда и отдыха, быта плитоломов. Я вымерял «очисты» и вынутую плиту. Рассчитывал в кубометрах и тоннах огромные массы передвинутых мышечными усилиями плитоломов тяжестей, поднятых на 10–15 метров со дна скрытых «очистей» на высоту уступов, где складывалась плита или производились отвалы «фризы» и земли. Я старался составить себе хоть в самом грубом приближении представление о некоторой части затрачиваемой людьми энергии на этот титанический сизифов труд, чтобы выяснить, какое количество калорий должно было усваиваться и сколько фактически усваивалось плитоломами из их ежедневного пищевого пайка. При полном отсутствии механизмов, приво-

¹ Литературно-политические журналы сначала либерально-народнического направления, а с 1897–1898 — органы «легальных марксистов». В них печатались также Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, сотрудничал М. Горький.

димых в движение за счёт использования природных источников энергии, единственным источником энергии была та часть переваренной и усвоенной пищи, которая затрачивалась плитоломами на мышечную работу. Переварить эту пищу, выработать из неё поражавшие своими размерами количества живой энергии для совершения чисто механической работы — это была существенная часть производственной техники в плиточном промысле. Но было также ясно, что рабочие служат своему хозяину-нанимателю не только тогда, когда они принимают пищу в обед и ужин, но и когда усваивают её в часы отдыха и сна. Я и сформулировал это в выводных положениях своего очерка «Санитарно-экономическое положение плитоломов»: плитолом работает на своего хозяина и тогда, когда он спит или отдыхает. Отсутствие машин в плиточном промысле принижает рабочего до состояния простого механизма для выработки нужной хозяину промысла механической энергии.

Рядом, непосредственно мимо «очистей» и плитных ломок с гулом и грохотом проносились и бились в Волховских порогах неисчислимые количества необходимой энергии, которую человек мог бы покорить себе силой своего ума и тем освободить себя от рабского приниженного положения, а свои силы направить на высшее проявление человеческой мысли, культуры, науки. Тогда же обо всём увиденном я писал: «На расстоянии нескольких вёрст тянутся целые горы выломанного плитняка, их гребни поднимаются на 10 сажен, за ними виднеются горы вывезенной из «очистей» земли. И вся эта гигантская работа совершена не титанами, не механизмами, а мускульной силой рабочих. Издали доносится гул бьющегося в порогах, низвергающегося с них Волхова. Мощно и стремительно несётся он у самых ломок, но вся эта вольно и бесплодно уносящаяся энергия падающей воды не покорена ещё человеком, не поступила ещё к нему на службу, не выполняет за него всей его тяжёлой, чёрной, грубо механической работы, выпадающей здесь на долю рабочих, выполняемой ими примитивными орудиями».

Только после Октябрьской революции сбывлись тогдашние мои мечты. Когда я сейчас пишу эти строки, нередко передо мной встают картины прежнего Волхова в его порожистой части — от Михаила Архангела и Званки вниз на 10–20 километров. Здесь Волхов пересекает мощные, многометровой толщины, слои девонской плиты. У самого уреза воды по узкому бечевнику плелись длинной цепью, одна за другой, впряжённые в ямки и хомуты лошади. Они тянули вверх, против бурного течения, мелкие суда паузки. Баржи ходили из Старой или Новой Ладоги до Ильи Пророка. Здесь кладь с них перегружалась на небольшие, легко управляемые паузки. Опытный лоцман проводил, лавируя между камнями, такую посудину через пороги. Её тянули лошади за верёвки, отходившие от толстого каната, привязанного к паузку. Каждая из верёвок оканчивалась хомутом. Паузки тянули десятки лошадей, погонщики не шли за ними по узкой тропинке бечевника, а сидели верхом. Вернее сказать, не погонщики, а погонщицы, ибо это всегда были молодые девушки — отважные, привыкшие к строгой дисциплине, к опасности и риску, девушки-амазонки. Каждая была вооружена острым ножом. Напрягая все силы, лошади преодолевали напор быстро несущейся воды. Медленно, под крики погонщиц и гул волн, продвигался

вверх по течению между порогами паузок. Не всегда дело оканчивалось благополучно. Паузок мог попасть в слишком быстрый поток, непреодолимый для силы десятка или двух-трёх десятков лошадей. Их погоняют, побуждают... Ещё минута, другая — и паузок преодолет поток, выйдет из смертельной опасности, но вот напор воды пересиливает, лошади начинают подаваться назад, ещё миг — и их втянет в воду, паузок понесётся вниз, его разобьёт в щепки, погибнут и все кони. Погонщикам нужно спастись самим и спасти лошадей. Если в такой момент хотя бы одна лошадь выбыла из строя, то и все остальные подверглись бы смертельной опасности быть втянутыми в кручу порогов. Нужно освободить лошадей от лямок, всех до одной одновременно, повинуясь мгновенно команде атамана. Раздаётся условная команда, и ножи всех амазонок-погонщиц, длинной лентой растянувшихся по линии бечевника, с силой, с размаху перерубают все верёвки сразу. Лошади освобождаются, они, как и погонщицы, спасены. Гибнет лоцман, в щепки разбивается паузок и на многие километры вниз по реке разметаёт по воде кладь, бывшую в нём. Товары подбирали и ловили далеко от места аварии.

Такие несчастия случались не каждый месяц и не каждый год, но они всегда угрожали погонщикам и лоцманам. Это не останавливало их повседневной трудовой жизни... И когда я вспоминаю свои объезды и обходы плитных ломок, перед моим взором встают картины берегового бечевника с вереницами смелых амазонок-погонщиц, рисковавших каждую минуту своей жизнью для обогащения гостинопольских купцов, потомков новгородских богатых «гостей», каким был Садко.

После Октябрьской революции самая первая гидроэлектростанция была сооружена именно на Волхове. Это отбросило в область воспоминаний все описанные мною картины нерационального использования человеческого труда. Силы природы были поставлены на службу человеку. Разрушительная энергия, бывшая в порогах Волхова, служит теперь для приведения в движение сотен тысяч станков и машин, позволяет населению передвигаться на трамваях, троллейбусах и в электропоездах, пользоваться электричеством. А благодаря шлюзам созданы условия для безопасного судоходства.

В связи с обследованием условий жизни различных рабочих на берегах Волхова и в Старой Ладогe я столкнулся с проблемой условий и отдыха их в праздничные дни. Абсолютно никаких намёков на учреждения для развлечения или увеселений рабочих не было. Плитолмы после изнурительного тяжёлого труда «от зари до зари» в праздничные дни либо спали, либо, гораздо чаще, целый день чинили свою обувь и рукавицы, которые так быстро протирались и рвались в каменоломнях. Без рукавиц же стиралась кожа на ладонях. От тяжёлой работы изнашивалась не только одежда, но и живые ткани организма — мышцы и кожа. Нужно было не только постоянно чинить и подшивать брюки и рубашки, но и переваривать и усваивать большие количества пищи (белков и жиров) для восстановления живой ткани организма, его мышц и кожного покрова.

Единственным удовольствием было потребление водки, но и это проходило в крайне первобытной обстановке: не было даже помещений, где

люди могли бы встречаться, развлекаться игрой или какими-либо ещё формами организованного общения. Взятая из казённых винных лавок водка выпивалась тут же, где-нибудь у забора, прямо из бутылки, стоя. Опьянев, бедолаги оставались лежать на берегу.

Разумеется, по условиям полицейского режима не могло быть и речи об организации какого-либо клуба для рабочих или для общественных кружков. В этих условиях и пришла мысль воспользоваться казённым «комитетом трезвости», который, по крайней мере на бумаге, должен был существовать под главенством исправника и других чиновников, как некий фиговый листок для прикрытия политики опаивания народа «казёнками». Исправник и земский начальник очень охотно разрешили мне под вывеской «комитета трезвости» устраивать народные гулянья подле Старой Ладоги. Пользуясь помощью учащейся молодёжи, приезжавшей на лето к родителям, мне удалось организовать вокальные выступления солистов и хора, наладить подвижные игры. Сам я каждое воскресенье на этих гуляньях выступал с публичными лекциями-беседами на санитарные темы: о мерах предупреждения некоторых болезней, о значении улучшения и оздоровления условий быта, о здоровом отдыхе. Разумеется, исправник имел за всем наблюдение. На гулянья для рабочих всегда командировался им пристав или урядник.

Гулянья эти имели значительный успех у рабочих. Иногда удавалось на одно-два воскресенья достать «панораму», устроить бенгальские огни, пустить ракеты. Всё это делала молодёжь — находящиеся в окрестностях на отдыхе учащиеся старших классов гимназий и два-три молоденьких студента, которые выступали и солистами. Однако я не имел возможности отдавать слишком много времени этому полезному начинанию, а без настойчивого содействия, без постоянных просьб и напоминаний дело не двигалось. В августе, с отъездом юных добровольцев из учащейся молодёжи, дело совсем заглохло.

Значительную помощь в проведении некоторых санитарных мероприятий и обследований оказывали ещё кое-где оставшиеся в уезде со времени холеры 1893–1894 гг. санитарные попечители.

Особенно деятельную помощь оказывала при моих санитарных осмотрах в Гостинополе, где были большие скопления судорабочих, Елизавета Михеевна, широко известная в Новоладожском уезде под именем «тёти Лизы». Пожилая женщина, ведущая самостоятельно своё хозяйство, она была умелым и авторитетным местным общественным деятелем, любила свой посад Гостинополе, много работала и способствовала его благоустройству. «Посадский сход» выбрал её в 1897 г. «посадским головой». Губернатор отменил эти выборы, т. к. женщина не могла быть «головой». Но практически она правила посадом, т. к. сход отказался выбирать другое лицо. Это была настоящая «Марфа Посадница».

Ладожский период моей жизни помимо поглощавшей меня общественно-санитарной и начавшейся систематической научно-литературной работы в журналах «Научное обозрение», «Общественно-санитарное обозрение», «Вестник общественной медицины и гигиены» и в «Земских сборниках» в моей памяти тесно связан с заботами об образовании и вос-

питании моей младшей сестры Евгении¹. Трудное материальное положение вынудило отца отказаться от мысли дать ей гимназическое образование. Она оставалась на хуторе, с родителями. Мысль об этом служила для меня предметом постоянного беспокойства. Впрочем, лучше всего эта сторона моей жизни видна из следующих страниц воспоминаний моей сестры:

«Мой брат Захар начал со мной заниматься ещё с 1892 года. Каждое лето, приезжая домой на вакации, он систематически проходил со мной гимназический курс. Но помимо занятий он уделял много времени беседам со мною на разные темы. Когда он приезжал летом, мы с ним работали в отцовском фруктовом саду и это положило основание моему увлечению естественными науками, — сперва собиранием гербария и определением растений, а затем и вообще изучением окружающей природы. В этом отношении огромное влияние имел на меня Писарев, впервые с увлечением прочитанный в 1895 г. Всё виденное служило нам темами продолжительных бесед. Постепенно, год за годом, рамки наших занятий расширялись; зимой шла та же работа, но только заочно. О ней можно судить по сохранившимся у меня письмам брата Захара. Я писала ему аккуратно каждую неделю — подробный отчёт о том, что я делала, что читала, о чём думала. И надо удивляться тому бесконечному терпению, с которым он не только читал мои ребяческие письма, но и подробнейшим образом отвечал на них. В те далёкие времена, благодаря тяжёлому гнёту самодержавия, душившему всякое проявление стремления к свободе в украинском народе, невольно первый естественный протест против гнёта был окрашен довольно ярко в национальный цвет...

...Захар привёз мне из Киева несколько украинских книжек. Читал мне стихотворения Леси Украинки. Особенно врезалась мне в память украинская колыбельная песня Галицкой Украины, где говорится в обращении к ребёнку: «Будеш цілий вік як той чорний віл, у ярмі та в неволі...» Этого было достаточно, чтобы в моей юной душе запыхал целый пожар ненависти к угнетателям «вильной Украины» — самодержавным панам. И Захар давал правильный путь моему негодованию, указывая, что «паны» всех национальностей одинаково угнетают народ... Он очень любил украинский костюм, и я всё лето одевалась так же, как все наши «дивчата» на селе.

В 1895 г. зимой я получила от Захара в подарок две только что появившиеся на русском языке книжки: «Происхождение семьи...» Энгельса и «Очерки и этюды» Каутского. Надпись гласила: «Дорогой Женечке для прилежного изучения». И я действительно много раз прочла эти книжки. Они сразу расширили мой умственный горизонт и пробудили глубокую жажду знания. Около этого же времени он прислал мне несколько номеров

¹ Евгения Григорьевна Френкель (по мужу Левицкая) (1880–1961) — с 1903 вместе с мужем Константином Осиповичем примкнула к большевикам. В 1918–1919 работала в Библиотечном отделе ЦК РКП(б). В 1926–1929 — зав. отделом издательства «Московский рабочий». С 1929 заведовала библиотекой МК партии — до 1939, когда, после ареста и казни её зятя И. Т. Клеймёнова, одного из первых разработчиков реактивного оружия, была отправлена на пенсию. Подробнее о её жизни, работе и дружбе с М. А. Шолоховым см.: Приложение № 5.

«Орловского вестника» с напечатанной статьёй К. Левицкого «Ремесленник и пролетарий». Мне статьи очень понравились, и я в письме к брату так сформулировала своё настроение по поводу неё: «Как бы я хотела много знать, чтобы понимать, что делается на свете!» Это письмо я, уже будучи женой Константина Осиповича Левицкого, случайно нашла в его бумагах... Чтобы доставить удовлетворение молодому автору, Захар дал ему это письмо, а он его сохранил.

...Мне шёл шестнадцатый год, и передо мной вставал вопрос, что же я буду делать дальше? Ясно, что, живя на хуторе, я учиться не смогу, а потому надо во что бы то ни стало уехать. Конечно, первый проект был — уехать в Дерпт к Захару. Но где же взять денег? Захар жил на 25 рублей, которые он получал в качестве стипендии. На эти деньги вдвоём не проживёшь... В 1896 г. Захар окончил университет и занял место санитарного врача в Ладого Петербургской губернии. Как только он устроился на новом месте, то начал настойчиво звать меня к себе, обещая помочь подготовиться к выпускному гимназическому экзамену. Мои старики и слушать не хотели о моём отъезде. «Как ты поедешь одна?» — с ужасом говорила мама, которая уже много лет дальше нашего уездного города никуда не ездила... А отец категорически заявил, что не даст паспорта. Не менее категорически я ответила, что поеду... Две недели не говорил со мною мой строгий «батько», как мы его называли... И сдался. Подавая мне новенькую паспортную книжку, он примиряюще сказал: «Ну, что ж, хочешь делать по-своему, — делай!» Мы помирились, и я начала поспешно готовиться в дорогу. Моя мама проливала потоки слёз, готовя мне незатейливое «приданое» в дорогу. А я ног не чуяла от радости, что, наконец, моя заветная мечта исполнилась и я еду к Захару.

Жутко казалось ехать одной, ведь до 16 лет я безвыездно жила на хуторе, среди полей и садов «благословенной» Украйны. Пугливо озиралась я на людей, с которыми столкнулась в пути, но любопытство мышонка, попавшего на волю, брало верх, и к концу путешествия я уже с жаром излагала «свои взгляды», главным образом из Писарева, какому-то молоденькому студенту, с которым мы так славно пели под стук колёс наши грустные украинские песни на площадке вагона... Вот и станция Волхов, где по уговору должен был встречать меня Захар. Крепко обнялись мы с ним, отныне он заменял мне и родных, и наш милый хутор, о которых я не раз потихоньку всплакнула дорогой.

Пересели мы на пароход, и я с восторгом смотрела на невиданную мною великолепную панораму: высокие каменистые берега, поросшие густым лесом; шумящие, покрытые белой пеной пороги, луга с яркими весенними цветами. Был май и кругом всё зеленело, цвело и благоухало. Я с наслаждением вдыхала чудесный лесной воздух, полный одуряющих ароматов цветов и трав...

Моя жизнь в Ладого продолжалась до февраля 1898 года.

...Наш скромный домик, весь закрытый старыми развесистыми липами, окнами выходил на старый Петровский канал, за которым расстились бесконечные болота со сверкающими кое-где озёрами, так называемыми «перемычками», покрытыми кочками и поросшие мелким ивняком, голу-

бикой, брусничкой и клюквой. Светлыми майскими вечерами мы с Захаром уходили в лес за ландышами или на его маленькой лёгкой лодочке уезжали за Волхов, туда, где шумела лесопилка, и откуда тянуло запахом свежих смолистых досок. И, возвратившись после прогулки, ещё долго сидели у окна, замороженные волшебным светом белой ночи, струившимся точно матовое серебро, под трели бесчисленных соловьёв, заливавшихся в кустах за каналом. Но самым большим моим удовольствием было катанье в бурю по Ладожскому озеру, такому мрачному и сердитому. Когда маленький тихий городок скрывался из глаз, а кругом, кипя и бурля, поднимались и опускались громадные волны с белыми гребнями, и наша лодка, распустив, как птица, белые паруса, мчалась вперёд, — каким восторгом наполнялась душа и как не хотелось снова возвращаться в прозаическую обстановку захолустного провинциального городка...

С Захаром мы были почти неразлучны. Он делился со мной своими впечатлениями от поездок по деревням, по фабрикам и заводам, где он старался всячески улучшить санитарные условия жизни рабочих, читал мне свои доклады и статьи, которые я, его неизменный секретарь, всегда переписывала. Вначале провинциальная публика как-то даже не верила, что мы — брат и сестра. Слишком необычной казалась им наша горячая привязанность друг к другу. Мы прекрасно уживались, несмотря на различие наших характеров, хотя за мою «дикость» и резкость, и злой язычок мне частенько приходилось выслушивать от него строгие нотации. Беседы с ним и его указания книг для чтения бесповоротно определили мои симпатии. И уже к концу первого года моей жизни в Ладого я была хотя и не очень сведущей, но, тем не менее, убеждённой и горячей «марксисткой». Прочитанная книга Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», философская сторона которой в те времена, конечно, совершенно ускользнула от меня, раскрыла передо мной такие перспективы, что у меня, что называется, дух захватило... Правда, Захар находил, что надо предварительно изучить историю и вообще накопить фактический материал, но я не могла строго следовать его советам и рядом с Ключевским и другим «материалом» поглощала, хотя и не совсем усвояемые, но такие увлекательные книги, как Бельтова и статьи из «Нового слова».

Одновременно я готовилась под руководством Захара к экзамену за семь классов гимназии. Скучно было зубрить катехизис или богослужение. Не менее тоскливо втискивать историю Ключевского в рамки гимназических «возможностей», но я всё это мужественно преодолевала, видя перед собой заветную цель — поступление на Высшие женские курсы.

Летом в больничку для судорабочих рядом с нашим домом приехала на практику курсистка-рождественка. Я быстро познакомилась и подружилась с ней. У неё часто гостили подруги-курсистки из Питера. Они относились ко мне с ласковой снисходительностью старших сестёр, а я тянулась к ним, как к первым людям из того мира, куда я так стремилась. Часто мы проводили целые часы, сидя на крыльце при свете непотухающей зари. Они рассказывали о петербургской жизни, а я строила планы своей будущей деятельности, делилась впечатлениями от прочитанных книг и своими новыми мыслями...

Летом 1896 г. приехал работать в Ладожский уезд в качестве ветеринарного врача один из близких друзей Захара по Дерпту Владимир Николаевич Малянтович. Со свойственной мне общительностью я очень быстро установила с ним хорошие дружеские отношения и во многом была с ним даже более откровенна, чем с братом Захаром, который был слишком строг и ригористичен, а Владимир Николаевич и сам был не прочь посмеяться и подшутиться. На меня он смотрел как на младшую сестрёнку, часто журуя меня за “резкость, дикость и прямолинейность”, — эти смертные грехи моей юности. Он жил верстах в 30-ти от Ладоги в старой заброшенной усадьбе на берегу быстрой, порожистой реки Сяси. Дом был старый, деревянный — “дом с мезонином” — и с верхнего балкона открывался великолепный вид на реку, на дремучий лес по берегам, на весёлые полянки с массой цветов и на мрачные плитные ломки, таким грубым пятном выделявшиеся на молодой зелени лесов и лугов. И я с удовольствием проводила время у него, наводила порядок в старом доме, собирала окаменелости на плитных ломках и возвращалась домой с целыми охапками разнообразных цветов, которыми всегда увлекалась сверх меры.

Этим же летом приезжал к нам погостить и другой приятель Захара — Virgiliy Leonoovich Shanzer, о котором я много слышала от брата и Владимира Николаевича. Этот был с виду очень “сурьёзный”, и я немного побаивалась его, но, присмотревшись, увидела, что это только одна видимость, а на деле “знаменитый” Virgиль — тоже простой и хороший парень. И на другой день мы с ним уже шагали по лесу, дружески разговаривая и собирая цветы и грибы. Впрочем, собирала только я, ибо Virgiliy по близорукости мог собирать только яркие, красные мухоморы и очень огорчался, когда я отказывалась присоединить к своей добыче его “красивые” грибы...

А поздней осенью приехал и третий друг Захара — Константин Осипович Левицкий. Имя «Костика» часто упоминалось в беседах Захара с друзьями. Кроме того, я читала статьи Левицкого в “Орловском вестнике” — провинциальной марксистской газете 1896 года. Понятно, с каким интересом ждала я его приезда. И он сразу завоевал все мои симпатии. Спокойное лицо, ласковые голубые глаза, волнистые кудри, даже его украинская «сивая» шапка как-то удивительно гармонировала с моим представлением о нем, которое составилось под впечатлением рассказов его друзей. Я даже присмирела в его присутствии. Я так привыкла говорить всем откровенные дерзости, смеяться и подтрунивать над всеми. За мою молодость, беззаботность и ребяческое оживление, которое я вносила своим шестнадцатилетним задором в серьёзный мужской мир, окружавший брата, мне всё прощалось... Но с “Костиком” я как-то не могла взять свой обычный тон, и мы чинно сидели за столом, пили чай и вели разговоры о прочитанных книгах, о моих занятиях и планах на будущее... Потом мы с Захаром поехали провожать его в Питер. Я впервые попала в столицу. Захар занимался служебными делами, а мы с Костиком, как я мысленно уже называла его, осматривали город, ходили по музеям и в театр, гуляли. И неделя, проведённая с ним вместе, создала какую-то невидимую связь между нами...

Ярким воспоминанием осталась в моей памяти старая рюрикская крепость на берегу Волхова... Огромная, полуразвалившаяся, с толсты-

ми стенами, с окнами-бойницами и с башнями по углам, — она царила над всею окрестностью, возвышаясь на высоком берегу реки. В шёпоте трав и зелёных кустарников, покрывавших её старые стены, в шуме волн, разбивавшихся о крутой берег, чудились поэтические сказки и легенды о былых боях, о полудиких славянах, скользивших в своих лёгких челнах по широкой реке, о их покорителях-варягах... Но, заглушая рокот волн, проносится чёрный, закопчённый пароход и своим резким свистом нарушает очарование старой крепости...». (Из «Тетради воспоминаний» Е. Г. Левицкой)

Одним из крупных событий в это время была для меня поездка в Москву в августе 1897 г. на Международный медицинский съезд. В Москве я не был с февраля 1890 г., когда прямо из Бутырской тюрьмы был выслан в сопровождении жандарма с пакетом, на котором значилось: «Черниговскому губернатору, с приложением студента Зах. Григ. Френкеля». С тех пор Москва сильно изменилась. Она предстала передо мною, залитая лучами августовского солнца. Огромные просторы Манежа против здания университета, того самого Манежа, из которого нас провели под конвоем казаков в Бутырскую тюрьму, теперь были местом записи на съезд, получения членских билетов и программ общих собраний и секций. Здесь толпились не сотни, а тысячи врачей, съехавшихся на съезд из разных концов мира и всех городов и губерний нашей родины.

Ещё в пути из Петербурга в Москву, в вагоне поезда, я познакомился с таким известным учёным, как Жак Бортильон из Парижа и профессор Эрб¹ из Праги. Я случайно оказался с ними в одном купе. Оба они совсем не владели русским языком, и я помогал им в качестве переводчика, а заодно слушал оживлённый рассказ Бортильона-младшего о его плане добиться единой для всех стран номенклатуры и классификации причин смерти, без которых невозможно научно определить санитарное состояние каждой отдельной страны. Без сравнения нельзя правильно оценить значение статистических санитарных показателей, а сравнение невозможно без единой, одинаковой классификации причин смерти.

Большой торжественностью было обставлено открытие съезда в Большом театре. После большого числа приветственных речей с огромным вниманием был заслушан замечательный доклад И. И. Мечникова о завоеваниях медицинской и биологической науки в борьбе с наиболее страшными бичами человечества — с эпидемиями чумы и холеры. Доклад Мечникова² звучал как гимн науке, которая одна оказалась способна путём прививок и сывороток освободить человечество от таких болезней, от которых бессилен был освободить его естественный отбор на протяжении десятков тысяч лет.

¹ Эрб Вильгельм (1840–1921) — немецкий врач, один из основоположников невропатологии.

² Мечников Илья Ильич (1845–1916) — выдающийся русский биолог и патолог, один из основоположников сравнительной патологии, эволюционной эмбриологии, иммунологии. С 1888 — в Пастеровском институте (Париж), лауреат Нобелевской премии.

Моё внимание было сосредоточено в секции гигиены на докладах Гюппе и Гертнера¹ по гигиене воды, Буйвида — по дезинфекции, Жбанкова² — о состоянии и основах земской медицины и др. Для иностранных гигиенистов были устроены экскурсии по Москве и Московской губернии для ознакомления с санитарно-гигиеническими учреждениями и устройствами. Мне было поручено сопровождать группу, в которой были французские, немецкие и английские профессора гигиены, в Мытищи — для осмотра водопровода и ряда земских больниц. В Мытищах московский городской голова предложил гостям завтрак. Вместо шампанского в бокалах была налита мытищинская ключевая вода. Городской голова провозгласил тост за процветание и развитие гигиенических наук. С огромным интересом осматривали зарубежные учёные земские участковые больницы, которые в статье Ф. Ф. Эрисмана³, вышедшей перед съездом, были названы главным каналом проведения в массы населения гигиенических знаний. Для зарубежных светил было полной неожиданностью оснащение сельских больниц такими санитарными устройствами, как канализация и поля орошения. Показывая ряд сельских больниц группе немецких учёных, я сам получил огромное удовлетворение от знакомства с лучшими больницами Московского земства.

Между заседаниями были организованы встречи земских врачей с приезжими санитарными врачами, гигиенистами. На эти встречи приходил и И. И. Мечников. Мне участие в заседаниях гигиенической секции, поездки для санитарных осмотров, знакомство и общение со многими врачами и учёными с гигиенических кафедр дали очень много.

В январе 1897 г. я принял деятельное участие в подготовке и проведении первой народной всероссийской переписи в Новоладожском уезде: участвовал в подборе счётчиков, в проработке переписных формуляров и инструкций, в проверке результатов переписи и в общих ориентировочных подсчётах и сводках. Вся эта работа служила для меня очень ценной практической школой освоения техники народных переписей и возможных методов использования материалов переписи для санитарно-гигиенических исследований и обобщений. Появилась возможность составить ориентировочные данные о количестве населения по волостям и по некоторым населённым пунктам с распределением по полу с выделением детского возраста. Эти данные, между прочим, были мною положены в основу составления картограммы распространения сифилиса по отдельным волостям и населённым пунктам уезда.

Поражённость населения сифилисом в некоторых волостях — например, в Шахновской, откуда особенно много работников отходило на лет-

¹ Гюппе Ф. — микробиолог из Праги, профессор; Август Гертнер, профессор Йенского университета — исследователи состава питьевой воды.

² Жбанков Дмитрий Николаевич — известный врач, деятель земской медицины, эпидемиолог и статистик.

³ Эрисман Фёдор Фёдорович (швейцарец Гульдрейх Фридрих) (1842–1915) — профессор Московского университета, основоположник научной гигиены в России. В 1896 был уволен из университета по политическим мотивам. Член Социал-демократической партии Швейцарии.

ние заработка, была исключительно велика. Порой возникало впечатление о поголовной поражённости населения этой болезнью. Проявления её из-за отсутствия систематического противосифилитического лечения носили исключительно тяжёлый характер. Всё население, даже в самых глухих деревнях Шахновской или Субботинской волостей знало, что облегчение может наступить при приёме иодистых препаратов. Поэтому если даже ночью приходилось проезжать по многим сёлам, то из домов выходили люди и убедительно просили дать им «иодовой соли». Достать иодистый калий в Новолодожской аптеке было невозможно. Его не было обычно не только на фельдшерских пунктах, но и в земских лечебницах, где запасы иодистого калия быстро истощались.

Но было совершенно невозможно отказать людям в просьбах дать «иодовую соль», когда приходилось приезжать для санитарного обследования, для осмотра школ и т. д. Насколько удавалось, я приобретал иодистый калий в петербургских аптеках и аптечных складах, развешивал его пакетами по 4 грамма и давал для растворения порошка на бутылку воды и приёма по три–четыре ложки в день. Впрочем, не было никакой надобности объяснять, как принимать иодистый калий — все хорошо это знали. Вспоминаю поразивший меня случай целой эпидемии свежего сифилиса. Я получил от участкового врача сообщение, что по полученным им карточкам фельдшерского извещения в одной небольшой деревне — всего в 17 дворов — Шумской волости развилась эпидемия натуральной оспы. Налицо имелось семь или девять больных. Но в то время оспы в уезде уже не было. Я поехал по последнему санному пути (это было в 1897 г.). Обследовав больных, я убедился, что никакой оспы нет и в помине. Эскулап из ротных фельдшеров за оспенную сыпь (!) принял свежую популёзную сифилитическую сыпь. Обойдя все дворы этой глухой заброшенной деревни, я нашёл более двадцати заболевших свежим сифилисом. Оказалось, в октябре, после навигации, вернулся в деревню один отец семейства, проживший несколько месяцев на стоянке судна в Петербурге, где он и заразился сифилисом. В январе уже вся его семья была с явлениями болезни: мокнущие папулы на губах и пр. А в феврале–марте заболевание перешло к соседям. Удручающая картина целого эпидемического очага бытового сифилиса! У меня остался на всю жизнь неизгладимый ужас от такой беззащитности населения вследствие полного отсутствия близкой осведомлённой медицинской помощи. Даже ротный фельдшер, признавший сифилис за оспу, заехал в деревеньку только случайно со своего пункта, отстоявшего от неё на 10–12 километров.

Естественно, у меня всё более крепло убеждение в необходимости для меня, как санитарного врача, настаивать на развитии сети приближенных к населению, надлежаще организованных земских участковых больниц, нормальной сети сельских лечебниц. Я с большим сочувствием отнёсся к идее одного из старых земских врачей, работавшего в Гостинополе (где теперь находится Волховская гидроэлектростанция) — Петровского об организации специальной школы — курсов для подготовки из молодых сельских девушек медицинских сестёр и санитарок. В случае эпидемических заболеваний это позволило бы найти на месте подготовленный персонал для ухода за больными во временных инфекционных больницах. Кроме того, и

в обычное время в деревнях были бы сёстры, которые помогали бы участковым врачам в их санитарно-просветительской работе, способствовали бы более своевременному извещению о подозрительных заболеваниях.

Опыт устройства такой школы — общины сельских сестёр-санитарок был осуществлён при содействии очень интеллигентного священника в селе Покровском в восьми километрах от Ладоги. Было принято 10–12 девушек, которые обучались уходу за больными в Новоладожской больнице, а занятия по освоению необходимых знаний о строении и отправлениях организма, о болезнях вообще и специальных болезнях в особенности проводили с ними врачи-добровольцы в общежитии, устроенном для них в Покровском. В зиму 1897–1898 гг. занятия в этой общине систематически вёл и я. Несколько девушек, прошедших двухлетнюю подготовку, получили свидетельства на звание «сельских сестёр-санитарок». Это был первый опыт моей преподавательской работы.

Хочется вспомнить и о моих школьно-санитарных осмотрах. С возобновлением после летних каникул занятий в сельских школах осенью 1896 г. мне казалось неотложно необходимым провести сплошное оспопрививание всех детей, чтобы исключить всякую возможность распространения натуральной оспы через школы. Для ускорения дела я лично объехал школы во всех волостях и провёл там оспопрививание. Предварительно я производил поголовный осмотр учащихся, заносил результаты осмотра в специально разработанный анкетный лист. Затем дети собирались в один класс и в присутствии учительницы я беседовал с ними о тех нарушениях здоровья, которые были мной обнаружены во время осмотра. Объяснял, чем могли быть вызваны эти нарушения, и как можно было бы их предупредить. Особенно я старался объяснить необходимость вторичной прививки против оспы всем, у кого со времени первой прививки прошло более шести лет. Затем вызывал охотников привить себе оспу, а потом проводил прививку всем поголовно.

Через уездную управу школы оповещались о дне моего приезда заранее. Приезд санитарного доктора был большим днём в школе. В неё собиралось много родителей, желавших получить совет и лекарство против того или иного заболевания. На осмотр школьников, беседу и прививки уходил обычно целый день, а порой приходилось завершать дело и на следующий день, а вечером нужно было обойти всех тех, кто приходил ко мне в школу за врачебной помощью. То, что я не лечащий, а санитарный врач, во внимание не принималось. В избы, куда я заходил, набивалось много народа, и нельзя было отказать во внимании больным, которые по много часов ожидали своей очереди. До полного изнеможения осматривал я больных, раздавал им бывшие со мною порошки, преимущественно иодистый калий, мазь от чесотки и пр. А рано утром на заранее заказанной почтовой зимней кибитке выезжал в соседнюю волость, в другую земскую или в гораздо более убогую церковно-приходскую школу.

При глубоком снеге по узкой зимней дороге использовались почтовые сани, запряженные «цугом»: одна лошадь впереди другой. Спешившие в школу дети должны были залезать в снег, пропуская кибитку. С весёлыми шутками, с радостью забирались они ко мне в сани, заполняя их до отказа.

Ямщик не возражал и не ворчал, т. к. знал, что получит достаточную оплату от меня за это. В неумолчном говоре детей, из их ответов на мои вопросы я успевал узнать очень много о школе, о ходе занятий, об «учительке», обо всех школьных горестях, недостатках и нуждах. А потом нередко замечал, какое удивление вызывала у учительницы моя осведомлённость о делах в школе. До сих пор у меня оживает светлое чувство радости, когда вспоминаю эти утренние зимние поездки в школы отдалённых волостей, когда я подвозил детей, спешивших в школу из деревни за два, три, а то и за пять километров. Им всё хотелось осмотреть: мой походный ящик-аптеку, мой бинокль, в него обязательно и по несколько раз смотрел каждый из забравшихся ко мне в сани ребят. Расставались мы при подъезде к «ямской земской почте», а через час-другой встречались в школе большими друзьями.

Так же, как о делах в сельских школах, я заранее получал разностороннюю информацию из самых надёжных источников — от детей. Так много позднее — при моих экскурсиях и санитарных осмотрах отечественных и зарубежных городов — я, по старой своей новолодожской привычке, получал самые полные и ценные сведения о самом городе, его санитарном устройстве и достопримечательностях у всё знающей и всем интересующейся гурьбы уличных малышей.

За двухлетний период жизни и работы в Новолодожском уезде я не по литературе, не из бессмертных «Мёртвых душ» Гоголя и не из сатиры Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина хорошо и всесторонне узнал нескончаемую галерею типов дореволюционной России, как до-, так и пореформенной: помещиков разных формаций (Зеленин, Шаховская, Исполоватовы и Демор), купцов-лесопромышленников, спаивавших шампанским уездного исправника, и наезжавших из губернии чиновников. Наряду с типом уездного врача С. В. Плаксина я узнал и земских врачей северных губерний...

Удивительным образом в Новолодожском уезде 1896–1898 гг. сохранялись в неприкосновенности нравы дореформенной России. Исправник, получавший по службе годовой оклад жалования не более 1500 рублей, все жаловался, нисколько не стесняясь, что ему не хватает его доходов в 8–10 тысяч рублей в год на жизнь! Эти вполне нормированные дополнительные доходы он получал при объездах крупных лесопромышленников, судовладельцев и купцов. От одних при его посещении или приезде пообедать он получал в конверте «за визит» 500 рублей, от других — 200 или даже 100: «Звезда бе от звезды разствуует во славе».

Чиновника особых поручений, приехавшего от губернатора расследовать в Доможирове жалобу на неправильность сдачи с торгов в аренду волостью рыбной ловли, принимал и кормил обедом ответчик, рыбопромышленник, на которого и поступила жалоба; после «на счастье» своего гостя он вытащил невод с заранее подготовленными в нём лососями и осетрами. У озадаченного своим «счастьем» чиновника тут же купил его богатый улов за страшную сумму в 1 000 рублей начальник судоходной дистанции Иорс, получавший оклад в 600 рублей. Этот Иорс устраивал балы для своих дочерей, обходившиеся ему не в сотни, а в тысячи рублей. Свои «доходы» он получал от перепродажи дров. С каждой баржи, гонки или

дровника, проходивших мимо его квартиры, бросали к его ногам несколько полен. «С мира по нитке» получались сотни кубометров дров. Вот и обеспеченный доход!

Дружба с набивавшимися ко мне в кибитку школьниками закреплялась тем, что я раздавал им яблоки, которые возил с собой для питания в разъездах. Я брал хлеб и яблоки. Тогда в Новой Ладоге яблок в продаже не было, я получал их осенью и зимой посылками из дома, с Черниговщины. В деревнях Новоладожского уезда, в отличие от некоторых уездов Новгородской губернии, садов вообще не было и, угощая ребят, я убеждал их посадить яблони у себя возле дома. Сохранить до весны косточки из съеденных яблок и посадить их в землю, а когда деревца подрастут, привить их. Рассказывал, как это делается. Рассказывал, как сам, будучи в их возрасте, вместе с братом развёл целый питомник таких сеянцев, а теперь вот угощаю яблоками, выросшими на тех деревьях.

Непосредственное наблюдение тех трудностей, с которыми сталкивались дети при посещении школы, когда им приходилось добираться до неё несколько километров, а во время осеннего ненастья или зимних вьюг и морозов оставаться ночевать в самой школе на полу, побудило меня настойчиво добиваться организации в школах «горячего приварка» и устройства при школах хотя бы небольших оборудованных помещений для ночлега детей. На эти цели нужны были земские ассигнования и нужно было «мобилизовать» учителей, чтобы они, в свою очередь, привлекли к организации горячего питания родителей и местных жителей вообще. Сама собой возникла мысль обосновать необходимость горячих завтраков в сельских школах соображениями противоэпидемическими, для поднятия сопротивляемости детских организмов инфекции и привлечь к помощи санитарных попечителей.

Моё личное, можно сказать, вынужденное участие в родовспомогательной помощи в тяжёлых, часто уже запущенных случаях родов знакомило меня с совершенно безотрадным состоянием акушерского дела. В качестве первой меры казалось особенно важным открыть родильное отделение при Новоладожской больнице, но придать ему характер совершенно обособленного учреждения, чтобы устранить боязнь оказаться при родах в непосредственной близости от больных. Благодаря поддержке, которую встретила эта идея у заведующего Новоладожской больницей А. В. Мартынова¹, такой родильный приют в отдельном небольшом доме на больничной усадьбе был устроен в 1897 г. Работа этого приюта быстро наладилась и стала развиваться. В целом этот почин имел большое показательное значение, и получила признание необходимость при всякой земской больнице открывать родильный приют.

Странным образом с моей работой в качестве санитарного врача в Новоладожском уезде, в этом наиболее заброшенном и отсталом по развитию врачебно-медицинского дела уезде Санкт-Петербургской губернии, у меня связываются воспоминания о моей акушерской практике. В самой Новой

¹ Мартынов А. В. (1868–1934) — известный хирург и учёный, автор многих новых методов операций («операция Мартынова» и др.).

Ладоге было только три врача: заведующий земской больницей — сначала это был доктор Марки, хороший специалист, не уклонявшийся в случае необходимости от оперативной помощи при родах; после него был мой товарищ по Московскому, а затем и по Дерптскому университету, хирург по специальности и оригинальный, своеобразный человек А. В. Мартынов; участковый врач, всегда бывший в разъездах и не пользовавшийся благоклонностью среди населения, немолодой уже Роте-Розен — большой барин, делавший из себя чиновника; и правительственный врач С. В. Плаксин, сносившийся с другими врачами официально — «за номером таким-то» и умевший так поставить дело, что когда за отсутствием всех врачей его звали на тяжёлые роды или к умирающему больному, уездного врача «дома не было, он уехал в уезд на судебно-медицинское вскрытие». В таких случаях встревоженная судьбой роженицы акушерка Софья Власьева, исключительно душевный человек и опытная в своём деле, направляла гонцов или чаще прибегала сама за мной и требовала идти или ехать с ней, т. к. предстоит операция, а она делать её права не имеет. Разумеется, уклоняться было совершенно недопустимо, и приходилось по много часов, а то и целые сутки бывать на родах и в неизбежных случаях, например, при поперечном положении плода или при начавшемся кровотечении при предлежании детского места производить поворот на ножку. А однажды при запущенном поперечном положении с выпадением ручки пришлось прибегнуть даже к эмбриотомии¹.

Судьба была как-то милостива ко мне, и все 20 случаев моих вынужденных выступлений в качестве акушера окончились благополучно. Но сознаю, что я страдал при родах не меньше, чем сама роженица, переживая её боли и схватки, тем более что далеко не всегда имелась возможность прибегнуть к достаточно глубокому наркозу. От природы я наделён излишней, вероятно, чувствительностью к страданию других, но не лишён и очень большой выдержки, когда это нужно. Не могу не сказать откровенно, что из всех сторон деятельности и работы в моей жизни, оказание врачебной помощи при родах давало наибольшее удовлетворение. Непосредственное радостное чувство облегчения, когда раздавался первый крик новорождённого, а настрадавшаяся долгими мучениями роженица становилась счастливой матерью, оставалось светлым воспоминанием после каждого моего выезда на роды. Да к тому же ещё сознание, что только щипцы или поворот могли в данном случае спасти две жизни, говорило, что работа была не напрасна. Я даже в журнале «Акушерство и гинекология» поместил, сколько помню, заметку о казавшихся мне особенно тяжёлыми случаях. Эти выезды на роды омрачались только одним: мне пытались платить в той или иной форме за врачебную помощь. Это меня глубоко оскорбляло и волновало: я, ведь, чувствовал себя земским общественным врачом и не допускал мысли, что моя человеческая отзывчивость расценивалась на сребреники. Я, безусловно, иногда в резкой, угловатой форме отвергал, не принимал или возвращал обратно всякую мзду. Огромным облегчением было, когда

¹ Удаление плода по частям через естественные родовые пути при невозможности родов естественным путём.

в трудных случаях удавалось вызвать на роды А. В. Мартынова. Он, как хирург, был невозмутимо спокоен, и у него можно было учиться выдержке.

Хочется упомянуть и о некоторых происшествиях, случившихся со мною в годы, проведённые в Новоладожском уезде.

Осенью 1896, а также зимой и весной 1897 г. я очень много времени отдавал непосредственному ознакомлению с постановкой медицинской помощи в отдельных врачебных участках. В большинстве из них не было больниц. Врачи ограничивали свою работу только амбулаторным приёмом и выездом на фельдшерские пункты по вызовам. Заболевшие эпидемическими болезнями — сыпным тифом, оспой, скарлатиной — оставались на дому или иногда перевозились из отдалённых волостей в заразное отделение в Новую Ладугу. Для меня была совершенно очевидна неотложность решения абсолютно необходимой задачи: обеспечение каждого врачебного участка надлежаще оборудованной лечебницей с операционной, родильным отделением и, непременно, с заразным баракком и с отделением для сифилитиков.

Выезжая к заболевшим оспой, сыпным тифом и другими эпидемическими заболеваниями на места и непосредственно знакомясь с тяжёлым положением населения, с его нуждами в элементарном санитарном и культурном обслуживании, я выработал в себе привычку, — вернее, она сама собой выработалась и укоренилась во мне: всякие цифры о числе заболевших воспринимать в их конкретном содержании, видеть за ними всю убогую обстановку в избах, всю неизбежную нужду и терпеливо переносимое горе в семьях, где происходили десятки и сотни заболеваний. Это нашло отражение в моём докладе, составленном для первого проходившего при мне земского собрания весной 1897 г., — об эпидемиях заразных заболеваний и о положении земского медицинского дела в уезде. Обширный доклад, представленный мною в управу, я снабдил наглядными таблицами, диаграммами и специальной картограммой распространения по волостям сифилиса. Я призвал земство сделать первые шаги для борьбы с сифилисом путем расширения врачебной сети с участковыми лечебницами и внедрять среди населения хотя бы крупницы цивилизации и культуры через народные земские школы. Секретарь уездной земской управы Сукнев воспринял мой доклад, как украшение обычно тощей книжки печатавшихся к уездному собранию отчётов и докладов. Поэтому мой отчёт был напечатан со всеми диаграммами и картами, но земское собрание не вынесло никаких постановлений по моим предложениям, да и едва ли кто-нибудь из гласных (по современному — депутатов) этого одного из наиболее отсталых уездных земств прочитал мой доклад. Но для поощрения нового санитарного врача уездное собрание постановило наградить меня золотыми часами. Так это было в Новоладожском уезде в обычае, а награждённый должен был выразить свою благодарность. Но вместо этого я заявил, что решительно и безусловно не принимаю подарка, что работаю я из интереса к делу, а наградой за работу для меня было бы содействие со стороны собрания врачебно-санитарному делу, а не личный мне подарок. Это заявление я сделал, очевидно, в такой решительной форме, что оно было сочтено за оскорбление земскому собранию. Об этом было сообщено, как передал мне потом Иван Андреевич Дмитриев, в губернскую управу.

Насколько слабо была поставлена участковая сеть в Новоладожском уезде, можно судить по следующему случаю. Весной 1897 г. я первый раз ехал на губернский съезд земских врачей. На почтовой станции Шум, что в 15 км от Новой Ладоги, пока меняли лошадей, меня позвали спешно в соседнюю, отдельно расположенную избу, где находилась только что вынутая из колодца женщина, пытавшаяся покончить с собой. Утопленнице нужна была срочная помощь. Послали на пункт за фельдшером, но его всё не было. Оказалось, что извлечённую из колодца утопленницу было уже не спасти. Все довольно длительные попытки искусственного дыхания и пр. были безрезультатны. Но в это время в сенях дома в куче картофеля была обнаружена женщина с окровавленной головой. Она рассказала, что родственница пыталась ночью её убить с целью взять у неё деньги. Не найдя таковых, она закопала пострадавшую, чтобы скрыть преступление, в кучу картофеля, посчитав её мёртвой. Когда же раненая, придя в себя, стала стонать и звать на помощь, преступница выбежала из дома и бросилась в колодезь. Вместе с прибывшим фельдшером, пользуясь лишь имевшейся у него карболовой кислотой да свежeproкипяченной водой, мы вымыли все раны, удалив волосы, засыпали повреждения иодоформом. Некоторые лоскуты ран пришлось зашить. Наложив повязку из прокипячённых полотенец, я отправил пострадавшую на почтовых лошадях в Новую Ладогу. К моему изумлению, когда я через две недели вернулся в город, доктор Мартынов сообщил мне, что больная благополучно поправляется. Раны заживали у неё без нагноений.

Странное, трудно передаваемое, даже страшное и мучительное состояние сознания пережил я однажды в конце зимы 1897 г. Несколько дней я находился в эпидемическом районе, пытался организовать временную больничку в крестьянской избе для сыпнотифозных больных, подыскивал подходящий ухаживающий персонал. Наконец, пустился в обратный путь. Проехав на перекладных два почтовых перегона в сильнейший мороз, поздно ночью прибыл в Старую Ладогу. Оставался последний небольшой перегон в 12 км, и я попросил на почтовой станции поскорее закладывать лошадей. Через несколько минут меня вёз на хорошей паре в лёгких саних сам староста почтовой станции, привыкший хорошо получать от меня «на чай». Дорога лежала по Волхову. Сани быстро спустились на реку, и мы понеслись у высокого правого берега. Закутываясь от обжигающего мороза в воротник шубы, я видел, как мы миновали крутые спуски к Волхову, как уже позади осталась Покровская церковь, и мы подъезжали уже по ровной глади к Новой Ладоге. Предвкушая скорое возвращение домой, отдых в тёплой комнате, я закрылся поплотнее воротником тулупа. Прошло около часа. Мы давно уже должны были приехать на место, но лошади неслись с прежней быстротой. Я открыл воротник и сквозь ночную темень увидел слева от нас очертания каких-то гор, стал всматриваться: мимо нас проносились крутые спуски с лестницами к причудливым замкам, какие-то заросли. Ничего подобного в нижнем течении Волхова нет, только низины Новой Ладоги, да бесконечные просторы льдов Ладожского озера. Не во сне же я вижу крутизну береговых высот слева! И это состояние совершенно необъяснимого, невозможного было острым, мучительным страда-

нием, пока вокруг всё продолжало происходить совершенно непонятное... И в тот же миг всё мучительное исчезло, когда я понял, что мы мчимся уже обратно в Старую Ладугу и проезжаем мимо плитных ломок на правом берегу. Я встряхнул крепко спящего ямщика, который незаметно успел изрядно выпить при отъезде. «Где мы едем?!». Но лошади уже взбежали на берег и привезли нас обратно на станцию, из которой мы выехали два часа назад. В Новой Ладоге они объехали вокруг острова и, не замедляя хода, вернули нас в Старую Ладугу!

Весьма поучительным для меня было участие в Санкт-Петербургском губернском земском съезде врачей весной 1897 г. Чтобы отстранить от председательства на нём казённого, назначенного губернатором губернского врачебного инспектора Корнилова, губернское земство, по ходатайству съезда, просило возложить председательство на С. М. Лукьянова¹. Он был тогда директором Института экспериментальной медицины. Ежедневно в течение двух недель терпеливо высиживал он до поздней ночи на заседаниях не только общих собраний, но и секций. В заключительном заседании в зале Дворянского собрания (ныне Филармонии) я, считавшийся тогда самым беспокойным, «крайним», от речей которого председателю приходилось ограждать и охранять съезд во избежание ударов со стороны начальства, счёл необходимым выразить благодарность С. М. Лукьянову за труд председательства, за его объективность и внимание к земским работникам и за терпеливое отстаивание свободного обсуждения. Наука, представителем которой являлся С. М. Лукьянов, несовместима с подавлением неугодных мнений, к нам в его лице она подходит с тщательным изучением, взвешиванием, вниманием...

И вот, через 30 лет, в 1927 г. мне пришлось вновь увидеть С. М. Лукьянова в роли председателя учёной конференции, посвящённой памяти Вирхова². После того, как он побывал обер-прокурором Святейшего Синода, после революции он вновь стал профессором по патологической анатомии в Институте усовершенствования врачей и пользовался заслуженным уважением и почётом, как подлинно выдающийся русский учёный. В роли председателя учёных конференций С. М. Лукьянов проявлял изумительную добросовестность. Заседание памяти Вирхова было очень торжественным. Первым был доклад ученика Вирхова Ф. Я. Чистовича³. Я сделал доклад о Вирхове, как провозвестнике социальных устремлений в медицине. Я сравнивал его с горной вершиной человеческого познания. «Вершины гор раньше озаряются светом восходящего солнца». К моему сожалению, этот мой доклад, как и большинство других моих работ этого периода, не

¹ Лукьянов С. М. — выдающийся патофизиолог, профессор и директор Института экспериментальной медицины (1894–1901).

² Вирхов Рудольф (1821–1902) — немецкий патолог и общественный деятель, иностранный член-корреспондент Петербургской АН.

³ Чистович Фёдор Яковлевич (1870–1942) — патологоанатом и судебный медик, профессор, заведующий кафедрой судебной медицины в Военно-медицинской академии и в Петербургском женском медицинском институте; с 1922 — ректор этого института.

появился в печати. Замечательна была заключительная, большая и вдохновенная речь С. М. Лукьянова о заветах Вирхова людям научного познания.

Я подошёл после заседания, чтобы выразить ему признательность за вызванное его речью глубокое волнение, но совершенно неожиданно, увидев меня, он меня обнял и, как было принято встарь, трижды поцеловал — «за искренность и правдивость» моей речи о Вирхове, за её «добросовестность», как он сказал. Я напомнил С. М. Лукьянову о моей благодарности ему на пороге моей общественной жизни в 1897 г. После этого заседания я всякий раз передавал или пересылал ему отписки своих работ по социальной гигиене и свою книгу «Общественная медицина и социальная гигиена». Теперь в беседе со мною по поводу посланных ему моих работ С. М. Лукьянов коснулся их содержания. Он очень внимательно читал их, так же как и мою статью о проблеме старости, и высказал поразившую меня в его устах мысль об общественных коллективах, как о «меторганизациях» и об интеллекте, как о проявлении жизни меторганомов¹.

Вспоминаю, что моя речь о Вирхове начиналась словами Гёте:

Hinaufgeschaut! — Der Berge Gipfelriesen
Verkünden schon die feierlichste Stunde;
Sie dürfen früh des ewigen Lichts geniessen,
Das später sich zu uns hernieder wendet...

А там, в горах, седые великаны
Уже румянцем вспыхнули по краю.
Они встречают день завидно рано,
А к нам он приближается позднее.

(пер. Б. Пастернака)

Она была тепло встречена присутствовавшими на конференции моими сотрудниками А. Я. Гуткиным², С. И. Перкалем³ и другими, считавшими, что социальная гигиена на этом учёном форуме была поставлена на должную высоту.

Летом 1898 г. выяснилась возможность для моего перевода из Новой Ладоги на работу в той же должности санитарного врача в пригородном участке Петербургского уезда «по Невскому тракту». В каждом уезде СПб губернии, кроме Петербургского уезда, губернское земство имело для осуществления санитарного надзора и оказания влияния на развитие всего земско-медицинского дела, находящегося в руках уездных земств, по одному санитарному врачу. Сама логика вещей и очевидные запросы и интересы обслуживания санитарных нужд уезда, успех мероприятий против эпидемий, борьбы за здоровье людей и контроль за нарушениями этого здоровья

¹ «Мета» («мет») — первая составная часть слов, обозначающая переход к чему-либо другому, перемену состояния, превращения. В данном случае — признание непознаваемости факта, явления; указание на то, что находится за пределами опыта.

² Гуткин А. Я. — заведующий кафедрой школьной гигиены в ленинградском Санитарно-гигиеническом институте.

³ Перкаль Самуил Исаакович — преподаватель и ассистент кафедры социальной гигиены во 2-м Ленинградском медицинском институте.

заставляли санитарных врачей губернского земства в уездах, хотя они непосредственно подчинялись губернской управе, руководимой И. А. Дмитриевым, основное своё внимание направлять на улучшение и развитие участковой сети. Без обеспечения каждого участка больницей с родильным отделением, позволявшей врачам оказывать хирургическую и акушерскую помощь нуждающимся, молодой врач, поступивший на земскую службу, не мог совершенствоваться в своей специальности. Естественно, наиболее способные и нужные для дела врачи стремились уйти из врачебных участков, где не было больниц. Участки пустовали. У уездных управ развивалась привычка довольствоваться видимостью роста земской сети. Нужно было во что бы то ни стало содействовать строительству участковых земских больниц, хорошо оснащенных необходимыми зданиями, усадьбами, оборудованием, инструментарием, аптечными средствами, вспомогательным персоналом. Для этого необходимо было систематически воздействовать на земскую управу, на земских гласных, на земское собрание. Организационной формой, инструментом для оказания такого воздействия и для воспитания у самих врачей чувства ответственности в качестве активных участников дела, а не земских наёмников, послужили специальные советы при земской управе, систематически собиравшиеся и обсуждавшие все вопросы врачебно-санитарного обслуживания населения.

Самым главным достижением своей двухлетней работы в Новоладожском уезде я считал налаживание деятельности такого санитарного совета. Это было очень нелёгкое дело! Затхлый, барско-канцелярский дух и стиль земской управы в Новой Ладогe не мирился даже с малейшим проявлением настойчивости со стороны «подчинённых» земских наёмников-врачей. Управа не созывала заседаний врачебно-санитарного совета, игнорировала его постановления, не вносила его предложений на земские собрания. Положением о земских учреждениях 1892 г. вся административная тактика губернаторов, опекавших земство, направлена была на бюрократизацию этого органа, на придание ему характера господствующей инстанции во всех делах хозяйства, в которой ведущую роль играли люди, владевшие имуществом, — торговцы, промышленники и помещики. Близкие же по всему содержанию своей работы к массам земские врачи, были так называемым «третьим элементом», наёмниками, а не ответственными за своё дело участниками обслуживания нужд народа. Между прочим, в одной из моих статей в «Общественно-санитарном обозрении» (№ 5 за 1897 г.) нашла отражение одна из самых острых стадий борьбы за обеспечение работы врачебно-санитарного совета при Новоладожской управе. В статье говорилось: «За последнее время в земстве идут пререкания между управой и земскими врачами на тему об «избранниках» — цензовая управа — и наёмниках — «третий элемент» — об обязанности последних не принимать близко к сердцу интересы того дела, для которого они пошли в земство на службу, и о праве «избранников» не чувствовать морального общественного долга выслушивать людей, знающих и отстаивающих интересы дела, которым они непосредственно заняты. Не может, не должно быть у земской управы мелочного властолюбия там, где на первом месте стоит забота об успехах земского медицинского дела».

Уездная управа оказалась очень чувствительной к упреку в печати по её адресу со стороны представителя «третьего элемента». В тогдашней обстановке можно было настаивать на признании санитарного совета исключительно как совещательного органа управы. Но сама обязанность управы «совещаться» с ним должна была вести к признанию, что земство действует и должно действовать не по прихоти дворянского недоросля Де Мара (председателя управы), а в соответствии с выяснившимися на врачебно-санитарном совете запросами дела.

Разработанное мною и утверждённое земским собранием положение об уездном земском врачебно-санитарном совете до известной степени служило хоть некоторой опорой для регулярной работы этого «совещательного» при управе органа. В какой-то степени это была зародышевая форма тех санитарно-эпидемических советов, за организацию и правильную постановку деятельности которых при санэпидстанциях приходится теперь, спустя, 70 лет, вести настойчивую борьбу.

Петербургский уезд был наиболее экономически мощным по сравнению с остальными семью уездами Петербургской губернии, по составу своих гласных — наиболее влиятельным, а потому и не поддававшимся руководству губернского земства. Здесь был свой уездный санитарный врач — доктор Пассек, который, состоя на службе уездного земства, как и все врачи в Петербурге, совмещал эту свою работу с врачебной практикой и другими службами. Губернское земство, лишённое влияния на развитие врачебно-санитарной сети, удержало, однако, в своих руках специальный надзор за соблюдением требований обязательных постановлений по санитарной части в пригородах Петербурга. Эти пригороды, расположенные по основным трактам, ведущим в столицу — Шлиссельбургскому, Московскому, Нарвскому и Выборгскому, были густо и совершенно хаотически застроены домами для рабочих множества промышленных предприятий. Все эти дома строились в качестве «доходной статьи» предприимчивыми домовладельцами для сдачи под жильё для рабочих за пределами городской черты, следовательно, формально вне города. Поэтому пригороды, хотя и были непосредственным продолжением города и в полицейском отношении находились в ведении СПб градоначальника, в области благоустройства и местного хозяйства к городу не относились, а считались в ведении земства. Но никаких, даже самых зачаточных, органов своего, а не общеуездного, местного благоустройства или городского, поселкового хозяйства не имели.

Мне предложили осуществлять земский санитарный надзор за промышленными и торговыми предприятиями, домами и дворами в так называемом тогда «Петергофском пригородном участке». Он простирался от Нарвских ворот и Екатерингофа до Стрельны включительно — по Нарвскому тракту; и от Московских ворот до Средней Рогатки — по Московскому шоссе. Здесь, следовательно, на первый план выдвигались задачи не санитарно-организационные, а санитарно-технического характера и, прежде всего, меры по промышленному и фабричному санитарному надзору.

Зимой 1897 г. приезжала погостить в Ладогу к моей сестре работавшая перед тем до конца навигации в больничке для судорбочих курсистка по-

следнего курса Любовь Карповна Полтавцева. Родилась она в городе Ново-зыбкове Черниговской губернии в 1870 г., в семье купца 2-й гильдии (т. е. со средним капиталом) Карпа Ивановича Полтавца, который впоследствии изменил фамилию на Полтавцев. Мать Любви Карповны — Михалина Антоновна Сикорская происходила из обедневшей польской дворянской семьи. По окончании Новозыбковской женской гимназии с золотой медалью Любовь Карповна прошла специальные классы немецкого языка и получила звание учительницы по этому предмету. С 1891 по 1893 г. она была учительницей в земской школе Мглинского уезда Черниговской губернии, а в 1894 г. отправилась в Петербург для получения высшего образования. Здесь поступила на высшие медицинские Рождественские курсы и занималась у Петра Францевича Лесгафта¹.

Очень инициативная, оригинальная, смотрящая на всё бодро, самостоятельно. Я помню, в последние месяцы — в сентябре и октябре Любовь Карповна часто присоединялась к нашим прогулкам на лодке по Волхову, в Сосновый Бор на другом берегу реки, где мы собирали рыжики, грузди и последние осенние цветы. У меня гостил мой очень близкий друг по последним годам в Дерпте — Виргилий Леонович Шанцер. Позднее он был одним из руководителей московского вооруженного восстания 1905 г. Это были прогулки, полные молодого весёлого смеха и милых шуток Любви Карповны по адресу Виргилия Леоновича, сильно близорукого, принимавшего сухие листья за кучки грибов, увлекавшегося спором до того, что наталкивался на незамеченный пень, никогда не унывавшего сангвиника.

Когда открылась навигация 1898 г., Любовь Карповна по моим настойчивым приглашениям приехала навестить меня. К этому времени я остался в Ладогe один. Сестра Женя в Полтаве держала экзамен за курс гимназии на аттестат зрелости. Всю необходимую ей помощь и заботы о ней взял на себя брат Сергей. Он был тогда преподавателем физики и математики в Полтавской женской гимназии.

В этот весенний приезд Любви Карповны мы решили, что я к осени перееду на работу в Петербург, а она на всё лето уже взяла на себя обязательство по окончании курсов лекарских помощниц поехать в Сибирь для медицинского обслуживания переселенцев, сопровождать их партии по Оби.

Во время пребывания у меня Любви Карповны я написал статью о переписке молодого Карла Маркса со своей будущей женой и перевёл только что появившиеся тогда в печати письма Маркса и передал в «Научное обозрение»², где благодаря Любви Карповне этот материал и был помещён в 1898 г. В течение всего лета мы активно обменивались письмами, и я испытывал тревогу, если почему-либо долго не приходило писем из далёкой Сибири. В письмах мы окончательно решили соединить наш дальнейший жизненный путь.

¹ Лесгафт Пётр Францевич (1837–1909) — выдающийся русский педагог, анатом и врач, основоположник научной системы физического воспитания и врачебно-педагогического контроля в физической культуре.

² Научный и общественно-политический журнал, издававшийся в 1894–1903 в Петербурге. В нём сотрудничали В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, К. Э. Циолковский.

Ранней весной 1897 г. ко мне в Ладогу приезжал повидаться со мною брат Сергей. Я возил его, большого любителя природы, страстного охотника, специально занимавшегося в Киевском университете геологией, бывшего участника и даже руководителя геологических экскурсий, по самым интересным местам Новоладожского уезда. Показывал ему очаровавшие меня берега Волхова в районе порогов и плитных обнажений; ездил в леса по реке Сяси; в чащи зарослей по узкой щели реки Шальдихи, крутые берега которой сложены из девонских и ниже лежащих силлурийских плитняков; возил его на парусной лодке по бурным волнам Ладожского озера, — но я не мог завоевать его внимания и восторгов к окружающей меня природе. Скучным и однотонным казалось ему бледное, белесоватое северное небо. Не идущими ни в какое сравнение с южными дубовыми рощами, с их богатой, буйной подбивкой цветами, не могли идти, на его взгляд, бедные и убогие ладожские леса. Он не разделял и отказывался понимать моё восхищение северным ландшафтом, природой, везде неисчерпаемо богатой своими видами, своим непостижимым для меня обаянием. Перед тем, как окончательно оставить Новоладожский уезд, я воспользовался кратковременным отпуском и навестил своих родителей.

После окончания университета я первый раз побывал на родине. Мне определённо хотелось не только увидеть отца и мать, привязанность к которым у меня всегда была очень глубока, неизмеримо крепка, но и доставить им некоторое удовлетворение видеть меня врачом, особенно моему отцу, который с такой настойчивостью и решимостью, преодолевая все трудности и помехи, определил нас в гимназию и поставил на путь к университетскому высшему образованию. Я привёз в подарок брату неразлучного спутника моих новоладожских прогулок, моего великолепного сеттера Нерона. Впрочем, в качестве охотничьей собаки он оказался мало пригодным. Слишком много страсти вкладывал он в охоту, гоняясь за утками и другой дичью, вместо холодной выдержки.

Вернувшись в Новую Ладогу, я довольно быстро подготовил к сдаче свои дела в уездном земстве, собрал и взял с собою накопленные материалы и в августе уехал в Петербург. Уезжая, я с грустью покидал мои комнаты в доме с зелёными ставнями на Старой Канаве. Глубокую признательность увозил я к заботливой и великодушной своей хозяйке Марье Андреевне. Она помогла мне устроиться с квартирой и в Петербурге, когда после тщетных попыток и поисков нашёл я, наконец, квартиру из двух комнат и кухни в пределах моего нового санитарного участка на Химическом переулке за Нарвской заставой, рядом с Тентелевским химическим заводом, во втором этаже деревянного дома.

Покидая Новую Ладогу, я невольно задавал себе вопрос, в какой мере выполнил я те задачи, которые выдвигались передо мною в процессе работы, что дал я санитарному делу в Новоладожском уезде и что получил, каким опытом обогатился сам? Основной пробел в моей работе состоял в том, что я не охватил своей деятельностью самый город Новую Ладогу: не проводил в нём систематического осмотра всякого рода предприятий торгового и промышленного характера, таких, как булочные и хлебопекарни, места торговли съестными припасами, ремесленные мастерские. Правда,

все эти предприятия были незначительных размеров и играли очень малую роль в условиях снабжения населения здоровыми пищевыми продуктами.

Так же точно не включил я в число своих задач изучение и улучшение уличного благоустройства и жилищного строительства. Не успел я осуществить и многое другое, чем планировал заняться в последующее время, но покинул уезд раньше, чем смог выполнить свои планы. Отсрочить отъезд из Новой Ладогы означало бы потерять представившуюся возможность воспользоваться освободившимся местом санитарного врача в промышленном пригороде Петербурга.

Наиболее ценным опытом, которым обогатила меня работа в Новой Ладоге, было реальное представление о бедствиях и страданиях, причиняемых натуральной и «чёрной» оспой и её эпидемическим, или вернее эндемическим распространением при отсутствии правильной организации противооспённых прививок. Понимание огромного ущерба здоровью населения от натуральной и «чёрной» оспы заставило меня серьёзно отнестись к разработке системы оспопрививания и практическому её проведению в жизнь земской врачебной организацией. Эта система, за которую я настойчиво боролся в последующей моей санитарной работе, в очень сжатой форме выражена в моей книге «Очерки земского врачебно-санитарного дела» (СПб, 1903 г.). Сейчас высказанные в книге положения кажутся само собой разумеющимися, но в то время, когда они писались, они являлись новым словом, нуждавшимся в признании и внедрении в практику.

Петербург, Новгород (1898–1902)

Исходя из опыта, приобретённого в Новой Ладоге, намечал я задачи, которые предстояло решать в Петербурге. Но новая обстановка, новые условия, новые задачи вызывали у меня сомнения, сумею ли я справиться, окажусь ли достаточно подготовленным, пригодным для новой работы.

Прежде всего, представлялось мне, необходимо ознакомиться, путём непосредственного обхода и сплошных осмотров, со всеми частями моего санитарного участка, со всеми фабриками, заводами, мастерскими и торговыми предприятиями на его территории и тщательно изучить все доступные печатные и отчётные материалы о населении. Опыт работы в Новоладожском уезде научил меня, что для большей эффективности санитарного надзора необходимо постоянно иметь перед глазами подробную карту всех населённых пунктов с имеющимися в них лечебными, акушерскими и фельдшерскими учреждениями, промышленными предприятиями, почтовыми станциями и пр., а также реками, каналами, пристанями и другими местами скопления рабочих, которые должны учитываться в работе санитарного врача. Не сразу, а постепенно я для личного пользования составил и сам вычертил такую карту уезда. Теперь для ориентировки в своём районе я пытался достать план пригородного участка в губернской или уездной управе. Но плана в таком масштабе, чтобы можно было